

Звёздная система открыта для всех.

Но это вовсе не значит, что просвещение маленьких самцов тоже идет в ногу со временем.

На планете жуков, где самок гораздо больше, чем самцов, чтобы каждый самец с ранних лет осознавал необходимость самозащиты, еще в несовершеннолетнем возрасте проводят половое воспитание.

Однако те знания, что даются в биологических учебниках, носят лишь сугубо научный характер, дополненный холодными, лишенными всяких эмоций иллюстрациями.

Поскольку несовершеннолетним самцам строго запрещено соприкасаться с любым эротическим контентом, Ши Жосянь всегда полагал, что близость между самцом и самкой выглядит именно так, как описано в книгах.

Вошел, вышел, дело сделано.

А если еще учесть слухи о том, что самцы каждый раз после этого плачут, Ши Жосянь решил: раз уж нет обязательной нормы по вступлению в брак, то, хотя мускулы самок и выглядят привлекательно, ради собственного комфорта лучше ограничиться лишь визуальным наслаждением.

Но всего минуту назад...

Древние иллюстрации с Востока затянули Ши Жосяня, заплутавшего в заблуждениях, в мир, пышущий жаром и страстью.

— Чего ты ругаешься? Просто спи спокойно, — пробормотал Ши Жосянь.

Теперь всё стало еще сложнее.

Разум призывал Ши Жосяня остановиться.

— У-у-у, я осквернен, — тихо скулил он.

Цзицзи лизнул кошачью лапку и, лениво выгнув спину, улегся спать.

Цзицзи: Раз уж остальные молчат, я сам встану и разряжу обстановку.

И вот, лишив Ши Жосяня невинности его глаз, Тайная техника Ян словно прошептала ему на ухо:

Добро пожаловать в мир взрослых, мой нежный маленький самец.

В тишине комнаты Цзицзи, прислонившийся к окну, медленно поднялся на лапы.

Лицо Ши Жосяня пылало, взгляд блуждал, и он, что случалось крайне редко, не мог подобрать слов.

Неужели человеческое тело может быть таким гибким?

Разве пальцы и язык могут использоваться подобным образом?

Ши Жосянь перевернул страницу, и даже кончики его пальцев, коснувшиеся края бумаги, отозвались жжением.

Оказывается, слезы текут вовсе не от боли...

Ши Жосянь широко раскрыл глаза, не в силах поверить, что его мировоззрение, выстраиваемое годами, рухнуло в одночасье.

В полузабытьи ему почудилось, будто учитель-самка в святых белых одеждах из его воспоминаний превратился в антропоморфную Тайную технику Ян, облаченную в красный нагрудник из тонкой ткани.

Ши Жосянь насторожился:

— Цзицзи, не крутись там! Если ты сейчас начнешь орать, все опять подумают на меня!

Пойманный с поличным, этот коварный тип с двусмысленной ухмылкой подсунул Ши Жосяню изображения всевозможных поз.

Цзицзи лишь презрительно фыркнул:

— Мяу.

Но мозг заставлял его переворачивать страницу за страницей.

Се Моюнь взглянул на обложку, и его зрачки сузились на несколько секунд, прежде чем он смог прийти в себя.

Ши Жосянь даже не услышал шагов вернувшегося Се Моюня.

В душе Се Моюня одна волна сменялась другой, и он спросил:

— Как ты можешь понимать язык Цзи... Цзицзи?

Прошло столько времени, а Се Моюнь всё никак не мог привыкнуть произносить это имя.

— Да просто понимаю, что тут странного? — Ши Жосянь повернулся к коту: — Цзицзи, покажи дяде, как рычит свирепый тигр.

— Почему я дядя? — уточнил Се Моюнь.

— Ну, я папа Цзицзи, ты мой брат, значит, ты ему дядя, — пояснил Ши Жосянь.

— А разве я не твой супруг?

— Супруг? — Ши Жосянь слегка опешил. — Почему ты делаешь такой акцент на статусе супруга?

Видя, что Ши Жосянь погрузился в раздумья, Се Моюнь засомневался.

Он выпалил это не подумав, и теперь гадал, не почувствует ли Сянь-Сянь чего-то лишнего...

— На самом деле я... — начал было Се Моюнь.

Ши Жосянь перебил его, просяяв:

— Ты тоже хочешь стать отцом Цзицзи? Ну хорошо, я человек слова, уступлю тебе место старшего папы, а сам буду вторым. С этого момента у Цзицзи будет два отличных папочки.

Се Моюнь молчал.

— Да, именно так, я тоже хочу быть папой Цзицзи.

Ши Жосянь просяял:

— Я же говорил!

Затем он махнул рукой:

— Цзицзи, покажи своему старшему папе, как рычит свирепый тигр!

На это Цзицзи лишь закатил глаза.

Ши Жосянь развел руками:

— Видишь? Он всё понял.

Се Моюнь хотел что-то сказать, но промолчал, лишь молча кивнул в знак согласия.

Обладать железной логикой — хорошо, но если она чрезмерна, можно свернуть не туда.

Ши Жосяню, вероятно, потребуется немало времени, чтобы понять, сколько скрытых смыслов он упустил.

Впрочем, рано или поздно он прозреет, а пока — разговор затих, и Тайная техника Ян по-прежнему приковывала к себе внимание.

К счастью, Ши Жосянь уже заметно успокоился.

Хотя потрясение не прошло, это не мешало его маленькому мозгу лихорадочно соображать.

Ши Жосянь притворно откашлялся и, глядя прямо в глаза Се Моюню, произнес:

— На самом деле, я это читал не ради себя. Я делал это только ради... тебя.

Взгляд Ши Жосяня опустился ниже.

Раньше он мог смотреть туда без стеснения, но сегодня вдруг почувствовал неловкость.

Ши Жосянь проигнорировал это чувство и продолжил:

— Я серьезно всё обдумал. Раз с твоим телом всё в порядке, значит, тебе не хватает внешних стимулов. Поэтому я поискал то, что могло бы тебя взбодрить, чтобы с помощью внешних сил пробудить твою мужскую натуру.

— Я принес себя в жертву, изучил всё за тебя, там довольно впечатляющие вещи. Ну всё, смотри, а я спать!

Он сунул книгу в руки Се Моюню и быстро отвернулся, не желая встречаться с ним взглядом.

Слушая, как Се Моюнь встал, запер книгу и вернулся в постель, Ши Жосянь решил, что на этом всё закончилось, и, обняв одеяло, с облегчением закрыл глаза.

Но почему, засыпая, он чувствует, как жар разливается по всему телу?

Это тепло исходило от пупка и непрерывно распространялось наружу.

Ши Жосянь подумал: неужели пирсинг воспалился?

Но, опустив взгляд, он обнаружил, что на его шее криво висит тот самый нагрудник.

Он же помнил, что перед сном снял его и отбросил в сторону, так откуда он взялся снова?

Ши Жосянь в недоумении приподнял ткань и обнаружил, что его красный пирсинг на животе нежно гладит чья-то рука.

Пальцы у того человека были длинные, а ладонь — на размер больше, чем у Ши Жосяня, что выдавало его крупные размеры.

Сильные руки обнимали Ши Жосяня, а к его шее прижимался горячий дыхание.

Ши Жосянь вспомнил, что в Тайной технике Ян на третьей странице была похожая сцена...

Называлась она: Два самца играют с жемчужиной.

Ши Жосянь помнил, что на следующей странице события развивались совершенно немыслимо.

Он хотел вырваться, но не мог издать ни звука.

А человек, обнимавший его со спины, хотя лица его было не разглядеть, источал едва уловимый аромат.

Слабый, едва заметный запах бамбуковых листьев.

Ши Жосянь мгновенно распахнул глаза:

— Се Моюнь, ты!

— Я?

Ши Жосянь еще не отошел от шока и, подняв руку, влепил Се Моюню пощечину.

Мягкий, слабый удар, но он заставил их обоих застыть.

Никакого нагрудника, никакого пирсинга, никакой огромной руки.

Се Моюнь ошарашенно принял пощечину — боли не было, но Ши Жосяню стало до крайности неловко.

Почему ему приснился такой сон?

И такой реалистичный...

Се Моюнь поднял руку, и Ши Жосянь инстинктивно отпрянул.

Но Се Моюнь перехватил его ладонь:

— Тебе приснился кошмар?

Ши Жосянь растерянно кивнул.

Се Моюнь погладил тыльную сторону его руки:

— Всё хорошо, сны часто бывают противоположны реальности.

Та же широкая горячая ладонь, но в реальности Се Моюнь был гораздо нежнее.

Тот, из сна, словно хотел стереть его в порошок.

Небо начало светлеть, окрашиваясь в предрассветную лазурь.

Се Моюнь тихо прошептал:

— Еще рано, спи дальше.

Ши Жосянь, пребывая в полудреме, закрыл глаза и снова провалился в сон. На этот раз ему ничего не снилось, он спал очень спокойно.

А тем временем Се Моюнь хотел разжать пальцы, но Ши Жосянь тихонько хмыкнул, и Се Моюнь снова крепче сжал его руку.

Равномерное дыхание Ши Жосяня становилось глубже, а Се Моюнь смотрел прямо в потолок.

Утренние дела можно было отменить, но забыть ночной сон — нет.

Вспоминая эти пугающе реалистичные детали, Се Моюнь тяжело вздохнул.

Не говоря уже о том, что Ши Жосянь подобен ребенку, который еще не познал жизни.

Да и сам он находится в ситуации, где братья плетут интриги, а чиновники грызутся между собой; малейшая неосторожность — и всё поместье Девятого принца окажется в бездне.

Се Моюнь не мог гарантировать, что будет дальше, поэтому пока он не будет уверен в завтрашнем дне на все сто, он ни за что не перейдет черту.

В этот момент Цзицзи прыгнул из окна на дерево, охотясь за сорокой, и вмиг всполошил всех птиц в округе.

Ши Жосянь недовольно поморщился и, хныкая, зарылся туда, где было потише.

Се Моюнь замер, позволив Ши Жосяню уткнуться лицом в свою грудь.

Но что делать, если он сам намеренно не переходит черту, а другой жук делает это неосознанно?

<http://bllate.org/book/19091/1874929>